

Это был незнакомец с незнакомым лицом, говоривший незнакомые слова и с незнакомой улыбкой, но от него исходил знакомый запах, который Су Мо не мог забыть, сколько бы времени ни прошло и что бы ни случилось. Су Мо протянул руку, его пальцы мягко скользнули по щеке Лу Юаня, и тепло, передававшееся через кончики пальцев, заставило его сердце слегка сжаться.

Он закрыл глаза, ощущая это далёкое, но такое знакомое тепло, словно оно было выгравировано в его душе, вместе с теми воспоминаниями, которые всегда следовали за ним.

Лу Юань пошевелился, перевернулся на спину, его дыхание оставалось медленным и ровным.

Су Мо убрал руку, поднёс пальцы к губам. Может, пусть он так и спит, не просыпается. Я могу так сидеть всю жизнь, две жизни, из века в век, забыв о цикле перерождений, просто наблюдая за тобой.

Но...

Су Мо выпрямился, глядя на лицо Лу Юаня. Нежность в его глазах исчезла, как и в тот первый раз, когда он увидел Лу Юаня. Он взял телефон Лу Юаня, лежащий на столе, нажал на экран, и последний звонок был на Мэн Фаньюя.

Нажав кнопку вызова, Су Мо наклонился, поцеловал Лу Юаня в губы и запустил руку под его одежду.

— Алло? — раздался голос Мэн Фаньюя из трубки.

— Брат Мэн. — Су Мо усмехнулся, мягко прижавшись к Лу Юаню.

Мэн Фаньюй не ответил, но и не повесил трубку. Услышав его голос, он даже не изменил дыхания, как будто это был обычный звонок от знакомого.

— Давно не виделись. — Су Мо снова усмехнулся, не обращая внимания на его молчание, его рука мягко скользила по телу Лу Юаня, который не проснулся, лишь невнятно крякнул.

Едва слышный голос Лу Юаня заставил Мэн Фаньюя потерять спокойствие. Су Мо услышал, как он закуривает.

— Ты ведь чувствуешь это, да? Упустил что-то, или... не ожидал? — Су Мо был доволен реакцией Мэн Фаньюя, его рука опустилась ниже. — Ты разозлишься, да, разозлишься...

Дыхание Лу Юаня участилось, его тело слегка дёрнулось, но он не проснулся.

— Ты так хочешь увидеть, как я злюсь? — наконец заговорил Мэн Фаньюй, его холодный голос заставил Су Мо нахмуриться.

— Ты разозлишься, и я буду счастлив... — Су Мо тихо засмеялся, его пальцы ласкали Лу Юаня, тело которого постепенно напряглось, издав стон. — Ты ведь можешь почувствовать его ощущения... Не хочешь попробовать?

— Думаешь, это сработает? Лу Юань даже не знает, кто ты. — Мэн Фаньюй выпустил дым.

— Кто-то знает, разве нет? Мы начали, наслаждайся, злись... — Су Мо наклонился, поцеловал Лу Юаня в губы, и, получив ответ в виде ещё одного стога, положил трубку.

Мэн Фаньюй держал телефон, не двигаясь, пока сигарета в его зубах не догорела до конца. Только тогда он бросил окурки, встал и подошёл к окну. Если бы он захотел, он мог бы почувствовать всё, что происходит с Лу Юанем.

Су Мо попал в его больное место. Он разозлился, и это было больше, чем просто гнев. Боль, которая возникла, когда он услышал голос Лу Юаня, была как когти какого-то существа, пронзившие его тело.

Ярость.

Телефон в его руке мгновенно превратился в осколки, упавшие на пол.

Похоже, времени действительно не осталось. Он сожалел.

С самого начала не стоило быть мягким с Лу Юанем. Что друзья, что братья, что чувства — всё это лишь слабый огонёк, не способный противостоять тьме.

— Ты здесь? — Мэн Фаньюй снова закурил.

Из темноты донеслось тихое шуршание, и чёрная тень медленно вышла из тени Мэн Фаньюя.

— Начинаем? — хриплый голос прозвучал сзади.

— Иди, уничтожь всё, к чему он прикасался. Всё.

Гэншэнь, год Дерева, двадцать второй день второго месяца.

Ушэнь, день Земли и Призрака.

Звезда Призрака возносится, и люди умирают, в доме нет хозяина...

День разрушения года, важные дела неблагоприятны.

Этот день с самого утра был наполнен зловещей атмосферой. Небо было затянуто, как будто огромным одеялом, воздух наполнен запахом земли, от которого трудно дышать.

У Чанфэн, выйдя на прогулку, остановился под деревом, как вдруг услышал хриплые, пронзительные крики, похожие на плач ребёнка с сорванным голосом. Он поднял голову, следуя за звуком, и увидел несколько ворон, кружащихся на вершине дерева, которые кричали на него, но не садились.

Он поднял комок земли, чтобы швырнуть в них, но, выпрямившись, почувствовал слабость, и комок выпал из его рук.

— Что-то страшное произойдёт... — голос У Чанфэна дрожал, он смотрел на кровавые глаза ворон, чувствуя страх, но не мог сдвинуться с места, повторяя про себя.

Южная стена старого дома Ци обрушилась, похоронив под обломками Седьмую госпожу, стоявшую рядом.

Когда слуги, суетясь, разобрали обрушившуюся стену, она уже была мертва. Лицо было разбито, глаза выбиты, остались лишь кровавые дыры, словно широко открытый рот.

Увидев это, никто не осмелился подойти, чтобы вытащить тело. Смерть в доме Ци была странной, и все боялись навлечь на себя проклятие. У Чанфэн тоже чувствовал страх. Весь день он размышлял, что означает южный злой дух, и теперь южная стена обрушилась, убив именно Седьмую госпожу.

— Вытащите тело, найдите глаза! — У Чанфэн, проработавший в доме Ци десятилетия, хотя и дрожал, увидев кровь на лице и теле Седьмой госпожи, всё же решил выполнить свой долг.

Но никто не двинулся. После смерти старшего сына, в течение года, все в старом доме Ци, от стариков до детей, либо умерли, либо сбежали. Со смертью Седьмой госпожи дом Ци перестал существовать. Оставшиеся слуги, старые товарищи, помнящие милость старого хозяина, теперь, видя странную смерть Седьмой госпожи, не осмеливались подойти.

У Чанфэн вздохнул, медленно подошёл:

— Седьмая госпожа, позвольте мне привести вас в порядок, простите.

Он взял её за руку, потянул, вытащив тело из-под камней.

— Что у неё в руке? — кто-то крикнул, указывая на крепко сжатый кулак Седьмой госпожи.

У Чанфэн положил тело, наклонился, чтобы посмотреть, и увидел торчащий из пальцев кусок жёлтой бумаги. Он потянул за уголок, но бумага не поддавалась. Он попытался разжать кулак, но тот не двигался.

Пустые глаза Седьмой госпожи смотрели на него, и У Чанфэн не решался прикоснуться дальше, чувствуя, что, даже без глаз, она всё ещё пристально смотрит на него. Он посмотрел на торчащую бумагу, на которой были нарисованы какие-то линии, но это были не буквы.

Это был талисман. У Чанфэн с детства изучал такие вещи и сразу узнал, что в руке Седьмой госпожи был талисман. Внимательно рассмотрев половину талисмана, он смог разобрать символы и, хотя это была только половина, его бросило в холодный пот.

Это был талисман возвращения души.

— Это талисман для продления жизни. — У Чанфэн не стал громко говорить, боясь напугать и без того готовых разбежаться людей.

Седьмая госпожа хотела вернуть чью-то душу, и он понимал, чью, но талисман явно был не её рук дело. Кто-то сделал его для неё, но она не успела завершить ритуал, прежде чем погибла.

Эти мысли заставили У Чанфэна почувствовать слабость. Он помнил слова старого хозяина перед смертью.

— Его не сжечь... он вернётся... кто-то хочет, чтобы он вернулся...

Кто этот «он», У Чанфэн знал, но кто хочет его возвращения, оставалось загадкой. Теперь талисман возвращения души в руке Седьмой госпожи заставил его почувствовать, как по спине пробежал холод, и он понял, что не может оставаться в этом заброшенном саду ни минуты.

Поэтому он не стал искать глаза, а просто приказал людям вынести тело Седьмой госпожи из сада.

У Чанфэн распорядился похоронить Седьмую госпожу. У него остались деньги, которые старый хозяин оставил ему на старость, и теперь он не стал экономить, отдав их все. Дом Ци был проклят, и все избегали его, но высокая цена, предложенная У Чанфэном, заставила некоторых рискнуть и провести похороны.

Дом Ци перестал существовать.

У Чанфэн стоял в большом четырёхдворном доме, глядя на заросшие травой углы, и

чувствовал, как печаль охватывает его. Но у него не было времени медлить. Старый хозяин был ему благодарен, и некоторые вещи он должен был сделать, даже если это стоило ему жизни.

Через десять дней Седьмая госпожа обязательно вернётся.

<http://bllate.org/book/15429/1366023>